ЕВРОПА 03.07.2018 | Джозеф Стиглиц

Можно ли еще спасти евро?

Для этого Германия должна изменить свою политику, считает Джозеф Стиглиц. Но сам в это не верит.

Евро, возможно, приближается к новому кризису. Италия, третья по размерам экономики страна еврозоны, выбрала правительство, которое в лучшем случае можно назвать правительством евроскептиков. Это никого не должно удивлять. События в Италии стали еще одним предсказуемым (и предсказанным) эпизодом в длинной саге о плохо продуманном управлении единой валютой: доминирующая держава, Германия, препятствует проведению необходимых реформ и настаивает на политике, усугубляющей прежние проблемы, при этом она использует риторику, которая выглядит умышленным разжиганием страстей.

После введения евро Италия демонстрировала слабые экономические показатели. Реальный (с учетом инфляции) ВВП страны в 2016 году был таким же, как в 2001 году. Впрочем, и в целом в еврозоне ситуация развивалась не очень хорошо. В период с 2008 по 2016 годы реальный ВВП еврозоны увеличился всего лишь на 3%. В 2000 году, т.е. спустя год после введения евро, экономика США была лишь на 13% крупнее экономики еврозоны; к 2016 году она стала крупнее уже на 26%. И хотя в 2017 году реальные темпы роста экономики достигли примерно 2,4% (этого, конечно, недостаточно, чтобы компенсировать ущерб после десятилетия стагнации), сейчас экономика еврозоны вновь начала притормаживать.

Если в одной стране наблюдается плохая ситуация, в этом надо винить саму страну; но если во многих странах ситуация плоха, тогда в этом надо винить систему

Если в одной стране наблюдается плохая ситуация, в этом надо винить саму страну; но если во многих странах ситуация плоха, тогда в этом надо винить систему. В книге «Евро: как единая валюта угрожает будущему Европы» я уже отмечал, что евро – это система, которая была почти по определению обречена на провал. Она лишила правительства их главных инструментов адаптации – управления процентными

> ставками и курсом валюты. А вместо создания новых институтов, призванных помогать странам справляться с негативными ситуациями, в которых они оказываются, она ввела новые ограничения размеров дефицита и долга и даже параметров структурной политики, причем эти ограничения зачастую основаны на дискредитировавших себя экономических и политических теориях.

Предполагалось, что евро принесет с собой всеобщее процветание, способствующее расширению солидарности и движению к цели европейской интеграции. Но в реальности результаты оказались прямо противоположными: евро замедлил темпы роста экономики и посеял раздоры.

Проблема не в недостатке идей по поводу того, как можно двигаться вперед. Президент Франции Эммануэль Макрон в двух речах (в Сорбонне в сентябре прошлого года и в мае этого года, когда он получал премию Карла Великого за вклад в укрепление европейского единства) сформулировал четкую концепцию будущего Европы. Но канцлер Германии Ангела Меркель фактически заморозила его предложения, заговорив, например, о выделении смехотворно маленьких сумм на инвестиции в те сферы, которые срочно в этих инвестициях нуждаются.

В своей книге я подчеркиваю срочную необходимость в единой системе страхования вкладов, которая бы позволила предотвратить бегство вкладчиков из банковских систем в слабых странах. Германия, кажется, понимает важность банковского союза для функционирования единой валюты, но она отвечает как святой Августин: «Господи, дай мне целомудрие, но только не сейчас». Банковский союз представляется реформой, которая будет проведена когда-нибудь в будущем, при этом не важно, сколько ущерба наносится в настоящем.

Главная проблема в любом валютном союзе заключается в следующем: как скорректировать вызываемые валютным курсом дисбалансы, подобные тем, которые сейчас негативно влияют на Италию. Немецкий ответ: переложить это бремя на слабые страны, которые уже и так страдают от высокого уровня безработицы и низких темпов экономического роста. И мы уже знаем, куда все это ведет: больше страданий, больше боли, больше безработицы и еще более медленные темпы роста. И даже если эти темпы со временем повысятся, ВВП никогда не сможет оказаться на том же уровне,

которого можно было достигнуть, если бы осуществлялась более разумная стратегия. Альтернативное решение – перенести существенную часть бремени коррекции на сильные страны, где зарплаты выше, а спрос сильнее, благодаря поддержке государственных инвестпрограмм.

Мы видели первый и второй акт этой пьесы уже много раз. Избирается новое правительство, обещающее успешней вести переговоры с немцами по поводу прекращения политики сокращения госрасходов и выработки более разумной программы структурных реформ. Когда немцы все это отвергают, оказывается недостаточно изменений экономического курса. Нарастают антигерманские настроения, а любое правительство (левоцентристское или правоцентристское), намекающее на необходимость реформ, лишается власти. Партии, выступающие против истеблишмента, набирают силу. Возникает тупик.

По всей еврозоне политические лидеры движутся к состоянию паралича: граждане хотят остаться в ЕС, но при этом они хотят также покончить с политикой сокращения госрасходов и вернуть процветание. А им говорят, что у них не может быть и того, и другого. Вечно надеясь на изменение настроений на севере Европы, проблемные правительства продолжают прежний курс, а страдания народа нарастают.

Германия и другие страны на севере Европы могут сохранить евро, продемонстрировав больше человечности и больше гибкости

Социалистическое правительство премьер-министра Португалии Антониу Кошты стало исключением из этой схемы. Кошта сумел восстановить рост экономики в стране (2,7% в 2017 году) и добился высокого уровня популярности (в апреле 2018 года 44% португальцев заявили, что результаты работы этого правительства превысили их ожидания).

Италия тоже может стать исключением, хотя и в совершенно ином смысле. Здесь недовольство евро высказывают и левые, и правые. Маттео Сальвини, опытный политик и лидер крайне правой партии «Лига», которая сейчас пришла к власти, действительно может реализовать угрозы, которые неофиты в других странах побоялись осуществить. Италия достаточно велика, и у нее достаточно хороших и креативных экономистов, чтобы организовать выход из еврозоны де-факто, создав, по сути, гибкую двойную валютную систему, которая позволила бы вернуть стране процветание. Это будет нарушением правил евро, но бремя разрыва де-юре, со всеми его

последствиями, оказалось бы переложено на плечи Брюсселя и Франкфурта, при этом Италия может рассчитывать на паралич в ЕС, которые предотвратит окончательный разрыв. Впрочем, чем бы все это ни закончилось, от еврозоны останутся одни клочья.

Такой итог не является неизбежным. Германия и другие страны на севере Европы могут сохранить евро, продемонстрировав больше человечности и больше гибкости. Но просмотрев первые акты этой пьесы уже много раз, я не рассчитываю на то, что они способны изменить ее сюжет.

(c) Project Syndicate

Джозеф Стиглиц
Нью-Йорк

Джозеф Стиглиц (Joseph Stiglitz) является профессором Колумбийского университета, ранее занимал должность председателя Совета экономических консультантов при президенте США Клинтона, а также вице-президента и шеф-экономиста Всемирного банка. Лауреат Нобелевской премии по экономике (2001).